

Попов В.А.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ Ч. 1 И Ч. 4 СТ. 210 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В статье проводится анализ специальных субъектов преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 4 ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации: «лицо, имеющее влияние на участников организованных групп» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения общественной безопасности и защиты общества от разрушительной деятельности преступных сообществ (преступных организаций). В статье исследуются различные позиции, высказанные в научном сообществе, относительно понимания признаков названных специальных субъектов. В качестве методологической базы статьи автором использована юридическая герменевтика, а также положения теории уголовного права и конкретные наработки отдельных авторов. Автором статьи предлагается свое правило квалификации по признакам субъекта преступления, которое может быть использовано в правоприменительной практике. В заключении автором обосновывается необходимость исключения из текста уголовного закона признаков рассматриваемых специальных субъектов, а также отстаивается тезис о том, что борьбу с лидерами преступного мира необходимо вести путем установления уголовной ответственности за деяния, совершаемые такими лидерами.

Ключевые слова: Преступное сообщество, преступная организация, специальный субъект, лидеры преступного мира, организованная группа, преступная иерархия, уголовный закон, признаки специальных субъектов, квалификация, криминальный авторитет.

Abstract: This article presents the analysis of the special subjects of crimes under the paragraphs 1 and 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation (CCRF): “individual having influence upon the members of organized groups” and “individual holding the highest post within the criminal hierarchy”. The object of the research is the social relations forming in the area of provision of public safety and protection of society from the destructive actions of criminal enterprises (criminal organizations). The author examines various positions expressed in the scientific community regarding the understanding of features of the stated special subjects. The author proposes an original guideline for qualification by characteristics of subjects of crime that can be used in law enforcement practice. In conclusion the author substantiates the need to remove the characteristics of the special objects in question from the text of criminal legislation, and defends the thesis that the fight against the leaders of criminal underworld should be waged by setting criminal responsibility for actions committed by such leaders.

Keywords: Criminal law, criminal hierarchy, organized group, leaders of criminal underworld, special subject, criminal organization, criminal enterprise, characteristics of the special subjects, qualification, criminal authority.

В 2009 году в связи с принятием федерального закона от 3 ноября 2009 года № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1] в ст. 210 Уголовного кодекса РФ [2] появились два неизвестных ранее уголовному законодательству специальных субъекта: лицо, имеющее влияние на участников организованных групп (ч. 1 ст. 210 УК РФ), и лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ).

Признаки названных специальных субъектов вызывают серьезные научные дискуссии и, как следствие, практические сложности в применении ч. 1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ. Важно подчеркнуть тот факт, что оба понятия «лицо, имеющее влияние на участников организованных групп» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» являются оценочными.

Кроме этого, вызывает некоторое недоумение само введение ч. 4 ст. 210 УК РФ, так как существовавший спор о том, какая концепция должна быть воспринята уголов-

ным законодательством: «уголовное право деятеля» или «уголовное право деяния», решил в пользу последней. Введение же повышенной ответственности за создание преступной организации лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, противоречит данной концепции и вновь отсылает нас к дискуссии о том, какая из теорий предпочтительнее. Сейчас же законодатель фактически криминализировал в ч. 4 ст. 210 УК РФ не деяние, а статус «опасной личности».

Пленум Верховного суда РФ не прокомментировал признаки указанных субъектов. В своем постановлении от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [3] он разъяснил только лишь, что, решая вопрос о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе. О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

Необходимо указать на два существенных момента такого положения постановления Пленума Верховного суда РФ. Первый – положительный – Пленум Верховного суда РФ вновь исправил ошибку законодателя, пытаясь объяснить ч. 4 ст. 210 не через описание признаков субъекта, а путем указания на его действия, которые бы свидетельствовали о его статусе и повышали бы общественную опасность такого субъекта. Второй – отрицательный – тем не менее, постановление Пленума Верховного суда РФ в этой части ничего не разъясняет, так как даже при вменении ч. 1 ст. 210 УК РФ, безусловно, необходимо установить, в чем конкретно выразились те или иные действия. Вдобавок, все такие действия, естественно, будут свидетельствовать о неком авторитете и лидерстве лица, иначе оно просто бы не смогло их осуществить. При этом автоматической квалификации по ч. 4 ст. 210 уголовного закона это не должно влечь.

Для определения специальных субъектов научное сообщество обращается к криминологической литературе. При этом ученые оперируют следующими

понятиями: вор в законе, положенец, смотрящий, криминальный авторитет.

Высшее положение в преступной иерархии занимают «воры в законе» – лидеры организованной преступной среды, активные криминальные деятели, доказавшие свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющие широкие организаторские функции в преступной среде. В преступную иерархию также входят «положенцы» – лица, имеющие право принимать решения в отсутствие «вора в законе» и от его имени, и «смотрящие» – лица, наделенные правом принимать решения по определенному направлению или сфере деятельности. Различия между ними, кроме объема «полномочий» и, соответственно, круга решаемых вопросов, заключаются в двух основных моментах. Криминальный титул «вор в законе» присваивается «сходкой» «воров в законе» и является пожизненным, в то время как «положенцы» и «смотрящие» назначаются «ворами в законе», и, соответственно, их место в преступной иерархии может с течением времени изменяться [4, с. 13]. В понятие «криминальный авторитет», как правило, включают иных лиц, не относящихся к указанным выше категориям, но все же имеющих определенное влияние.

Идея о том, что ч. 4 ст. 210 УК РФ распространяется как минимум на «воров в законе», поддерживается всеми учеными. Подобные рассуждения встречаются, например, в трудах Е.В. Топильской [5, с. 29-30], А.В. Шеслера [6, с. 152-157], А.Н. Мондохорова [7], И. Никитенко, Т. Якушевой [8], А. Рагулина, В. Фефелова [9].

Одновременно, лиц, относящихся к категориям «положенец», «смотрящий», «криминальный авторитет», одни рассматривают как специальных субъектов ч. 1 ст. 210 УК РФ [4, с. 13], а другие утверждают, что таковые являются лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, и, как следствие, их действия должны квалифицироваться по ч. 4 ст. 210 УК РФ [7, с. 56-57; 10, с. 121].

Если исходить из положений уголовного законодательства, то такого рода рассуждения вполне обоснованы. Полагаем, что в случае, если будет доказано, что лицо является вором в законе, положенцем или смотрящим, то их действия безоговорочно необходимо квалифицировать по ч. 4 ст. 210 УК РФ, в связи с тем, что такие лица, так или иначе, все же обладают определенным влиянием на некоторой территории или в некоторой области. Преступный мир, в конечном счете, считается с такими лицами. Статус «криминальный авторитет» не может влечь безоговорочную квалификацию действий лица, им обладающего, по ч. 4 ст. 210 УК

РФ. В каждом конкретном случае необходимо исходить из совокупности фактических обстоятельств. Только при условии, что такой статус близок по содержанию к трем указанным выше, квалификация может производиться по ч. 4 ст. 210 УК РФ; в противном случае вменяется ч. 1 этой же статьи.

Н.Ф. Кузнецова, размышляя о специальных субъектах, речь о которых идет в ч. 1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ, указывает: «Разрешение коллизии между ч. 1 и ч. 4 ст. 210 УК в части квалификации субъектов, а именно организаторов и руководителей ОПС и его структурных подразделений, как представляется, оказалось возможным в единственном варианте. Создатели и руководители (субъекты по ч. 1 ст. 210 УК), образовав ОПС и его подсистемы, затем были убиты или исчезли. Пришедшие на их место лица, как раз, и стали занимать высшее положение в преступной иерархии. Их действия квалифицируются по ч. 4 ст. 210 УК и наказываются вплоть до пожизненного лишения свободы» [11, с. 19]. Однако, на наш взгляд, с такой позицией вряд ли можно согласиться. Почему действия новых руководителей преступного сообщества должны квалифицироваться по ч. 4 ст. 210 уголовного закона, а не по ч. 1 этой статьи? Чем их действия по руководству преступной организацией отличаются от действий ранее руководивших лиц? У автора мы ответов на эти вопросы не находим.

Ряд ученых также задаются вопросом каков масштаб высшего положения в преступной иерархии, то ли оно ограничено пределами России, то ли одного региона, отдельного города, то ли вообще выходит за пределы страны [12, с. 55; 13, с. 35]. Мнения различны. Так одни считают, что лицо, о котором речь идет в ч. 4 ст. 210 УК РФ, является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии конкретной преступной организации или преступного сообщества [9, с. 70]. Другие напротив утверждают, что наличие высшего положения лица в конкретном преступном сообществе (преступной организации), еще недостаточно для квалификации его действий по ч. 4 ст. 210 УК РФ, обращая внимание на то, что специальный субъект должен также обладать высоким положением в преступной иерархии в целом и главенствующим – на определенной территории – района, города, региона и т.п. [8, с. 62].

Исходя из толкования п. 24 постановления Пленума Верховного суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 можно заключить, что для привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ достаточно, чтобы лицо занимало высшее положение в преступной иерархии конкретного преступного сообщества (преступной организации). Как следствие, официально права первые.

Вместе с тем, полагаем, что вопрос о масштабе высшего положения в преступной иерархии не имеет принципиального значения. Дело в том, что, как было сказано ранее, ч. 4 ст. 210 УК РФ необходимо вменять лицам, обладающим статусом «вор в законе», «положенец» или «смотрящий». Обнаружение такого статуса у лица влечет автоматическое вменение ч. 4 ст. 210 УК РФ. Вопрос о масштабе влияния может возникнуть при присуждении соответствующего статуса, но это уже не входит в предмет науки уголовного права.

Необходимо сказать, что в целом по вопросу надобности в уголовном законе ч. 4 ст. 210 научное сообщество разделилось на два лагеря: тех, кто считает необходимым исключить данную норму [14, с. 77; 15, с. 121; 16, с. 14; 17, с. 104], и тех, кто ратует за ее оставление и дальнейшее совершенствование [10, с. 121-123; 18, с. 298].

На наш взгляд, несмотря на объективные предпосылки необходимости закрепления в уголовном законе определенных мер, направленных на борьбу с лидерами преступного мира, избранный законодателем путь нельзя признать верным и научно обоснованным.

Во-первых, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, и лицо, имеющее влияние на участников организованных групп, – криминологические понятия, а не уголовно-правовые; ввиду чего их внедрение в уголовный закон есть законодательная ошибка и не более. Во-вторых, сами по себе такие статусы не свидетельствуют ни о повышенной общественной опасности деяния, ни о реальном положении такого лица в преступном мире, тем более, учитывая, что в настоящее время, например, титул «вор в законе» может быть куплен. В-третьих, данные признаки искусственно создают правоприменителям дополнительные трудности. В частности, кроме доказывания факта, например, координации преступных действий, им необходимо доказать то, что данные действия совершены именно лицом, имеющим влияние на участников организованных групп, хотя очевидно, что если лицо не имеет хоть какое-нибудь влияние на участников организованных групп, то оно, в принципе, не сможет осуществить координацию преступных действий. Таким образом, считаем важным элиминировать данные признаки субъекта преступления в связи с их криминологической природой и оценочным характером и в целях устранения дополнительных, искусственно созданных трудностей в процессе правоприменения.

В то же время повышение эффективности уголовно-правовой борьбы с лидерами преступного мира является важной задачей государства. Сделать это, на

наш взгляд, необходимо следующим образом: путем установления уголовной ответственности за деяния, совершаемые такими лидерами. Отчасти законодателем такой путь реализован: посредством криминализации таких деяний как координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами, раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп. Именно такого рода действия и совершаются лидерами преступного мира; предусматривая уголовную ответственность за их совершение,

можно проводить эффективную борьбу с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, не отступая при этом от концепции «уголовного права деяния» и не создавая дополнительных трудностей правоприменителям.

Резюмируя все вышеизложенное, важно обозначить следующий вывод: необходимо отказаться от упоминания в ч. 1 ст. 210 УК РФ о таком специальном субъекте как лицо, имеющее влияние на участников организованных групп, а ч. 4 ст. 210 УК РФ вовсе исключить из текста уголовного закона. Дальнейшее изменение уголовного закона в части противодействия лидерам преступного мира, полагаем, должно связываться с расширением перечня деяний, за которые бы наступала уголовная ответственность лидеров преступного мира.

Библиография:

1. Федеральный закон от 3 ноября 2009 года № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс;
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015г.) // СПС КонсультантПлюс;
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // СПС КонсультантПлюс;
4. Белоцерковский С. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2;
5. Топильская Е.В. Некоторые проблемы реализации уголовной ответственности по статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // Адвокатская практика. 2013. № 4;
6. Шеслер А.В. Уголовное законодательство и судебная практика о преступном сообществе // Академический вестник. 2011. № 1;
7. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5;
8. Никитенко И., Якушева Т. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2010. № 5;
9. Рагулин А., Фелелов В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5;
10. Глазкова Л.В. Бандитизм и преступные сообщества: вопросы разграничения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013;
11. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за преступные сообщества: проблемы толкования и применения новаций, внесенных ФЗ от 3 ноября 2009г. в УК РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. № 1;
12. Мондохонов А. Вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2010. № 2;
13. Дорошков В.В. Ответственность за организацию преступного сообщества и участие в нем // Уголовный процесс. Июль 2010. № 7;
14. Виденькина Ж.В. К вопросу о совершенствовании законодательства об ответственности за организацию преступного сообщества или участие в нем // Закон и право. 2013. № 12;
15. Петров С.В. Преступное сообщество как форма соучастия: проблемы теории и практики: моногр. / С.В. Петров. – Н.Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013;
16. Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: Автореферат дисс. на соискание ученой степени докт. юрид. наук. М., 2013;
17. Быков В.М. Проблемы применения ст. 210 УК РФ в новой редакции Федерального закона РФ от 3 ноября 2009г. № 245-ФЗ // Право и политика. 2011. № 1;
18. Гребеньков А.А. Проблемные вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI Международной научно-практической конференции (30-31 января 2014г.). – Москва: Проспект, 2014.

References (transliterated):

1. Belotserkovskii S. Novyi Federal'nyi zakon ob usilenii bor'by s prestupnymi soobshchestvami: kommentarii i problemy primeneniya // Uголовное право. 2010. № 2;
2. Topil'skaya E.V. Nekotorye problemy realizatsii uголовnoi otvetstvennosti po stat'e 210 Uголовного kodeksa Rossiiskoi Federatsii // Advokatskaya praktika. 2013. № 4;

3. Shesler A.V. Ugolovnoe zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika o prestupnom soobshchestve // Akademicheskii vestnik. 2011. № 1;
4. Mondokhonov A. Spetsial'nyi sub'ekt organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) ili uchastiya v nem (nei) // Ugolovnoe pravo. 2010. № 5;
5. Nikitenko I., Yakusheva T. Organizatsiya prestupnogo soobshchestva: problemy kvalifikatsii // Ugolovnoe pravo. 2010. № 5;
6. Ragulin A., Fefelov V. O ponyatii litsa, zanimayushchego vysshee polozenie v prestupnoi ierarkhii // Ugolovnoe pravo. 2010. № 5;
7. Glazkova L.V. Banditizm i prestupnye soobshchestva: voprosy razgranicheniya: monografiya. – M.: Yurlitinform, 2013;
8. Kuznetsova N.F. Otvetstvennost' za prestupnye soobshchestva: problemy tolkovaniya i primeneniya novatsii, vnesennykh FZ ot 3 noyabrya 2009g. v UK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2011. № 1;
9. Mondokhonov A. Voprosy ugolovnoi otvetstvennosti za organizatsiyu prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) // Ugolovnoe pravo. 2010. № 2;
10. Doroshkov V.V. Otvetstvennost' za organizatsiyu prestupnogo soobshchestva i uchastie v nem // Ugolovnyi protsess. Iyul' 2010. № 7;
11. Viden'kina Zh.V. K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za organizatsiyu prestupnogo soobshchestva ili uchastie v nem // Zakon i pravo. 2013. № 12;
12. Petrov S.V. Prestupnoe soobshchestvo kak forma souchastiya: problemy teorii i praktiki: monogr. / S.V. Petrov. – N.Novgorod: NIU RANKhiGS, 2013;
13. Agapov P.V. Osnovy protivodeistviya organizovannoi prestupnoi deyatel'nosti: Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoi stepeni dokt. yurid. nauk. M., 2013;
14. Bykov V.M. Problemy primeneniya st. 210 UK RF v novoi redaktsii Federal'nogo zakona RF ot 3 noyabrya 2009g. № 245-FZ // Pravo i politika. 2011. № 1;
15. Greben'kov A.A. Problemnye voprosy ugolovnoi otvetstvennosti za organizatsiyu prestupnogo soobshchestva // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (30-31 yanvarya 2014g.). – Moskva: Prospekt, 2014.